Татьяна Ворожейкина

Власть или общество: выбор пути развития

Введение: неюбилейное выступление.

Главный вопрос: прошло 25 лет после всенародной поддержки Б.Ельцина на выборах 1991 г. – Как мы оказались там, где мы сейчас? Что было сделано не так? Какую роль в этом сыграли выборы 1991 г.?

Как случилось, что демократическая революция 1991 г. (или то, что воспринималось, как демократическая революция) за 25 лет без перерывов постепенности, при полной преемственности власти, привела к становлению авторитарного режима, который в последние 3 года все больше приобретает черты тоталитарного?

"Люди 1990-х", либеральная интеллигенция, вышедшая из 1990-х гг., склонны противопоставлять 1990-е – "время свобод и надежды" - и 2000-е – время последовательной утери свобод и надежд, полностью игнорируя преемственность между ними. Дело не только в том очевидном факте, о котором также не принято говорить, что именно Б.Н. Ельцин назначил В.В. Путина своим преемником, но в более важных вещах.

CENTRUM WSPIERANIA INICJATYW MIĘDZYNARODOWYCH

→Какой исторический выбор был сделан на ключевой развилке нашей истории, а именно в 1991-1993 г., когда альтернативность развития и шансы выхода за пределы зависимости от траектории предшествующего развития ("исторической колеи") были, как представляется, наивысшими по сравнению с предшествующим и последующим периодами? Это было окно возможностей, и наше сегодняшнее положение в решающей мере определялось выбором, сделанным 25 лет назад.

Этот выбор, как я постараюсь показать, отнюдь не был единственно возможным. Не был он и результатом исторической предопределенности или стихийного действия объективных сил. Этот выбор сделали те, кто в тот момент находился у власти, и в этом смысле это был субъективный, субъектный выбор.

1. На мой взгляд, решающая развилка в истории России была пройдена в 1991 – 1993 гг. Именно тогда был сделан сознательный выбор в пользу **развития капитализма "сверху"** путем конвертации власти в собственность, ускоренной приватизации крупной собственности людьми, связанным с властью и реально эту собственность контролировавшими, а не "снизу", через представление режима наибольшего благоприятствования мелкой и средней собственности, которая развивалась бы параллельно государственному сектору, постепенно вытесняя его из наиболее прибыльных сфер экономической активности.

Этому соответствовал и **политический выбор** – ориентация на использование сложившихся управленческих структур для достижения экономических целей (либерализации рынка и приватизации госсобственности) в кратчайшие сроки. **Политическая сфера** рассматривалась группами, пришедшими к власти в России в 1991 г., чисто инструментально, как **сфера**

управления, а не участия. Вопрос о демократической трансформации и институционализации этой сферы практически не ставился: эта задача воспринималась как вторичная и производная от развития рыночной экономики, на основе которой, по мысли реформаторов, только и могли возникнуть демократические структуры власти. По сути дела, **демократический проект в 1991-1993 гг. был сведен к рыночному**.

В результате не произошло сколько-нибудь существенной трансформации системы власти в России – **власть осталась самодовлеющей, самодостаточной и неподконтрольной обществу**. Конституция 1993 г. закрепила колоссальный перекос в сторону исполнительной власти, единственной реальной власти, существовавшей в российской истории. Из двух опор советской власти первая – КПСС - рухнула в 1990-1991 гг., а вторую – структуры безопасности - решено было сохранить в качестве инструмента новой, "демократической" власти. Этот вариант развития опирался не только на интересы советской номенклатуры, стремившейся трансформировать властные ресурсы в собственность без помех со стороны законодательных органов, но и на инстинкты и представления самих реформаторов, не видевших самостоятельной ценности представительной власти и не способных к компромиссу как основе демократической политики.

В октябре **1991** г. **Геннадий Бурбулис**, в то время государственный секретарь РСФСР, а затем первый заместитель Председателя Совета министров в телевизионном интервью заявил, что "представительные органы в большой мере стали тормозом наших реформ. Эти органы нужны были для разрушения тоталитарной системы, и эту задачу они выполнили. Теперь территории России жаждут властной вертикали". (Г. Бурбулис. Выступление в программе РТВ "Без ретуши" 09.10.1991)

CENTRUM WSPIERANIA INICJATYW MIĘDZYNARODOWYCH

Степан Сулакшин, член Верховного Совета РСФСР, затем представитель президента РФ в Томской области:
Главная задача этой исполнительной вертикали – "приводить в действие волю и политику Президента", а главная цель – "ликвидация оппозиции Президенту в исполнительных органах". Поэтому глав местных администраций предлагалось не выбирать, а назначать. "Малогарантированный итог выборов в ряде областей не позволяет сейчас принять иную, чем назначение процедуру" (Известия, №237, 1991)
→"Правильные" выборы уже тогда рассматривались как игра с гарантированным результатом.

И в качестве подведения идеологической базы, логики реформы под логику власти:
Сергей Станкевич, первый заместитель председателя Моссовета: "Во все времена, во всех странах интенсивное реформаторство, своеобразный реформаторский порыв осуществляли лишь лидеры, которые были разумно авторитарны. Нигде и никогда переход общества к новому состоянию не осуществлялся в пору, скажем так, расцвета парламентской системы". (НГ, 10.09.1991)

Теория разумного авторитаризма, авторитарной модернизации (сначала рынок, на его основе – средний класс и только потом демократия) овладела либеральным сознанием начала 1990-х (и, к сожалению, владеет им и по сию пору). Впервые опубликованная в 1989 г. в статье А. Мигранян, идея об объективной обусловленности авторитарных методов преобразования командно-административной экономики в рыночную была растиражирована в сотнях экземпляров и вариаций и стала общим местом сначала либерального сознания, и потом и нового демократического истэблишмента. Избранный президентом России Б.Н.

Ельцин казался вполне подходящий фигурой для того, чтобы возглавить и олицетворять собой такой вариант развития.

2. Какой вариант развития мог быть противопоставлен развитию капитализма "сверху"? (Под "капитализмом" я понимаю современное общество в единстве его социально-экономических, политических и социокультурных характеристик)

Иной, **низовой вариант развития капитализма** в России, помимо нараставшего кооперативного движения, мог опереться в то время на силы, непосредвтственно с рынком не связанные, - на гуманитарную и научно-техническую интеллигенцию, квалифицированных рабочих – всех тех, кто участвовал в демократическом подъеме конца 1980-х годов и был заинтересован в становлении демократических каналов воздействия на власть и тем самым в отделении общества от государства.

Экономически такой путь предполагал развитие мелкой и средней собственности, поддержку и помощь тем, кто в начале 1990-х начал свой мелкий бизнес главным образом с целью выживания. Челночная торговля, огороды в городской черте, мелкое производство и сервис, - все эти вынужденные формы выживания были одновременно и формой становления рыночной экономики снизу.

Это, если хотите, тот путь развития капитализма, который осуществился **Польше** (и в меньшей мере – в Украине). 40% современного польского бизнеса, производящего 70% ВВП, основано в 1990-е г. рабочими старых социалистических предприятий. В 1992 г. в Польше в среднем приходилось 1,8 рабочих на одно предприятие. Именно они стали основой массового слоя мелких предпринимателей, нового бизнес-класса, вышедшего из рабочего класса и интеллигенции социалистического периода. Старые социалистические предприятия на этом фоне тихо умерли, в Польше "большая приватизация" остатков старой государственной собственности осуществлялась со второй половины 1990-х гг., после того как была либерализована экономика и началось развитие мелких промышленных и сельскохозяйственных предприятий. Это был "народный капитализм", укорененный в обществе, хотя и бедный ресурсами. Именно на его основе возникло современное польское гражданское общество. Оно, по словам Анджея Рихарда, директора института философии и социологии Польской академии наук, было "рукотворным" и тысячью нитей связанным с местными сообществами. Этим, среди прочего объясняется и устойчивость демократических институтов в Польше, которая стала за 25 лет (1989-2014) общепризнанной историей успеха демократической трансформации, а не провала ее, как это произошло в России.

CENTRUM WSPIERANIA INICJATYW MIĘDZYNARODOWYCH

В России, как уже говорилось, выбор в начале 1990-х гг. был сделан в пользу "большой приватизации", иначе говоря, в пользу конвертации старых советских форм власти в собственность.

3. Между тем, становление современного (модерного) общества в России в начале 1990-х гг. в гораздо большей мере зависело от демократической трансформации системы власти и ее отделения от собственности, чем от скорости либерализации рынка и приватизации крупной государственной собственности. Политическая слабость социального субъекта, заинтересованного в низовом варианте развития капитализма в России – советской интеллигенции, квалифицированных рабочих, мелких предпринимателей, работавших в секторе производства и обслуживания – была очевидна уже тогда, в начале 1990-х гг. При ретроспективном анализе она представляется бесспорной большинству исследователей.

("Был выбран единственно возможный путь, другой был невозможен" – Польша и Украина показывают, что это не так).

Следует сказать, что формирование такого субъекта в решающей мере зависело от политической воли демократических лидеров (или тех, кто называли себя таковыми в начале 1990-х гг.), от их готовности создавать представительные институты и отстаивать их властные полномочия. Это было несовместимо с фактическим отождествлением демократии с защитой исполнительной власти, ведущей борьбу против контролируемого оппозицией парламента. В такой ситуации, особенно в условиях экономического кризиса начала 1990-х гг. неизбежным было массовое разочарование в демократических институтах, поскольку люди не связывали с ними возможность отстаивать собственные интересы.

Таким образом, в 1990-е гг. не было создано таких демократических институтов, которые представляли бы ценность для людей в качестве средства защиты своих интересов. Огромная часть населения , которая несла основные издержки и экономического кризиса, и экономических реформ как таковых (эти люди потеряли работу, сбережения и т.д.), не получила демократических каналов отстаивания своих интересов, как это произошло в Польше или Бразилии, где после трансформации авторитарных режимов эти каналы сформировались. Иначе говоря, демократия существует, если демократические институты, партии, выборы являются эффективными средствами для того, чтобы большинство населения через них отстаивало свои реальные жизненные интересы. В России такие политические институты в 1990-е годы созданы не были. Как уже говорилось, политика рассматривалась людьми, находившимися тогда у власти исключительно как сфера управления, а не как сфера участия. Это — важнейшая причина, объясняющая, почему российское общество так легко отказалось от демократических институтов: они ничего не стоили и были скомпрометированы как орудия борьбы за власть между различными олигархическими группами.

CENTRUM WSPIERANIA INICJATYW MIĘDZYNARODOWYCH

Разочарование в демократических институтах положило начало тому повороту в **ценностной ориентации российского общества**, с последствиями которого мы в полной мере сталкиваемся сейчас. Исследования ценностей, проведенные в ВШЭ под руководством Л.И.Полищука (апрельская конференция 2016 г.) показывают, что "накануне посткоммунистических преобразований идеи свободы, рынка и демократии пользовались в российском обществе значительной популярностью. «Моментальные фотографии» (опросы общественного мнения) начала 1990-х отражают оптимизм в России относительно нового экономического и политического порядка. Опрос 1990 г. выявил терпимость к различным мнениям, ценность свободы, необходимость защиты политических прав и свобод (слова, ассоциаций, культурной автономии, равенства перед законом), необходимость конкурентных выборов и открытости власти обществу. Более того, этот опрос (1990 г.) продемонстрировал высокое совпадение отношения к рынку жителей Москвы и Нью-Йорка. Первые годы рыночных реформ травмировали российское общество и привели к резкому падению доверия друг к другу и государству, разочарованию в идеях свободы и контроля общества над властью, росту цинизма и распространению ценностей выживания". (презентация)

4. В России не получилась не только демократия, не получилось и свободного рынка, на алтарь которого был положены такие институциональные и социальные жертвы. Для того, чтобы рынок функционировал эффективно, необходимо государство как система публичных институтов, а не как система частной власти. Нужен независимый суд, нужны гарантии прав собственности. Предприниматель должен иметь сколько-нибудь длительный горизонт, чтобы

на этом рынке работать. Такая система у нас не сложилась и это также связано с тем выбором, который был сделан в начале 1990-х.

Отказ – во имя глубины и быстроты экономических преобразований – от медленного пути демократической трансформации власти, который потребовал бы постоянного согласования различных социальных интересов путем политических компромиссов, решающим образом сказался на судьбе крупной частной собственности в России. Приватизация в России не сопровождалась становлением института частной собственности, который функционировал бы по публичным, единым для всех правилам, гарантируемым независимым судом. Напротив, реальное право собственности в России, надежность положения собственника с самого начала зависели не от эффективности его экономической деятельности, а в первую очередь от близости к власти и характера отношения с ней.

Эта система отношений, воспроизводящая традиционное для России единство власти и собственности, хотя и сложилось под влиянием предыдущего типа развития, не была, однако предопределена им. В гораздо большей мере ее сформировала та стратегия приватизации, которая была реализована в России в 1990-е гг. Не безальтернативное "предопределение", а сознательный выбор правящих групп поставил крупную частную собственность в России в зависимость, прежде всего, от сохранения традиционной системы власти в лице ельцинского режима. Именно на нем и только на нем держалась так называемая олигархическая система. Даже в тот период, в середине 1990-х, когда казалось, что экономические интересы крупных собственников подчинили себе политическую власть, их центральной задачей стало переизбрание Ельцина на пост президента в 1996 г. любой ценой.

На сохранение этой власти с 1993 г. были направлены основные усилия реформаторов. Ради этого был разогнан Верховный Совет в сентябре – октябре 1993 г., ради этого была начата в 1994 г. чеченская война, ставшая одним из важнейших факторов деградации и государства, и общества в России. Ради этого с 1996 г. правящие и господствующие группы отказываются от выборов в их демократическом понимании – как игры по известным правилам с неизвестным результатом – и заменяют их имитацией, в которой правила все время меняются в интересах властей предержащих, а результат всегда известен заранее. С 1993 г. (Указ 1400 от 21 сентября 1991 г.) простые силовые решения сложных проблем утверждаются в качестве основного способа воздействия власти на общество.

Это означало, помимо прочего, что в 1990-е годы не произошло качественных, необратимых изменений в структуре и, главное, в правовом статусе собственности в России. Способ, которым была создана крупная частная собственность – путем конвертации власти в собственность под "крышей" государства или путем сделки с отдельными его представителями, оказался гораздо важнее для судьбы этой собственности, чем скорость ее создания или объемы активов. Легитимность этой собственности в глазах общества оказалась ничтожной, большинство населения считало крупные состояния в России продуктом сговора или воровства государственных активов. В результате такой приватизации самым ликвидным товаром на формирующемся "рынке" стал властный, административный ресурс. Все это облегчило последующую реконвертацию крупной собственности в России – переход ее к середине 2000-х гг. под контроль тех групп, которые окончательно приватизировали российское государство; поставили под свой контроль не только исполнительную власть, но и все наиболее прибыльные экономические ресурсы.

5. Важнейшая модернизационная задача, которая стояла перед страной в начале 1990- гг., заключалась в отделения общества от государства, в уходе от традиционной для страны

государственно-центричной модели развития, в которой государство (власть) является главным и единственным – вертикальным - структурообразующим фактором, подавляющим самостоятельное развитие общества и его горизонтальное структурирование.

С точки зрения решения этой задачи, четверть века, прошедшие с момента избрания первого президента Российской Федерации, были очевидно потеряны. Более того, за последние 17 лет ситуация существенно ухудшилась: государство превратилось в систему власти, контролируемую узкой группой частных интересов, большая часть общества экономически, политически и социально-психологически зависит от этого псевдогосударства. В стране сформирован авторитарный персоналистский режим, разрушивший практически все основные демократические свободы, превративший выборы в имитационную процедуру по легитимации несменяемой власти, наращивающий репрессии и создающий все новые репрессивные структуры, от которых все больше зависит его выживание.

Началом этого пути, пути возвращения России в наезженную историческую колею, как ни горько об этом говорить, стал 1991 г. Победы Б.Н. Ельцина в 1991, а затем в 1993 и 1996 гг. с точки зрения выхода за пределы зависимости от траектории предшествующего развития оказались пирровыми. Они все больше усиливали доминирование государства над обществом, исполнительной власти – над законодательной и судебной, навязывали обществу проект быстрой и крайне болезненной экономической реформы, без демократического реформирования политической системы. Надо признать, что демократическая альтернатива в России была закрыта главным образом усилиями людей, называвших себя демократами.

CENTRUM WSPIERANIA INICJATYW MIĘDZYNARODOWYCH

***

Татьяна Ворожейкина – политолог, независимый исследователь, бывший декан факультета политических наук Московской высшей школы социальных и экономических наук. Постоянно сотрудничает и является консультантом Московского Центра Карнеги, Фонда Горбачева, Левада-Центра, Фонда «Либеральная Миссия», журнала «Отечественные записки». Ее работы публикуют в таких изданиях, как: Pro et Contra, The New Times, Новая газета. Автор свыше 30 научных работ, посвященных социальным изменениям в современной России и странах Латинской Америки. Эксперт Школы гражданского просвещения.